

ТОФИК МЕЛИКЛИ

ОТ РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОМАНТИКИ К СУРОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Московский период жизни и творчества Назыма Хикмета. 1951-1963гг.

«Мне не остается ничего другого, как сделать своим оружием смерть, а себя самого – пулей. Я знаю, в бою это самое простое. Но это последнее средство протеста и сопротивления». Это строки из обращения к близким и друзьям «левого бунтаря» – турецкого поэта Назыма Хикмета. В 1950 году, после двенадцати лет заключения, тяжело больной Хикмет объявляет голодовку в тюрьме.

Голодовка вызвала невиданный отклик в турецком обществе. Тысячи людей, независимо от их политических убеждений объединились с единственной целью – потребовать освобождения поэта. Вскоре к движению присоединились крупнейшие деятели мировой культуры – Луи Арагон, Поль Элюар, Пабло Неруда, Бертольд Брехт, Фредерик Жолио-Кюри, Пабло Пикассо, Жан-Поль Сартр, Жорж Амаду – многие международные организации, союзы писателей, партии и движения различных стран. Под влиянием мирового общественного мнения турецкое правительство вынуждено было объявить всеобщую амнистию и в июле 1950 года освободить Назыма Хикмета из тюрьмы. В августе того же года Всемирный совет мира (ВСМ) присудил ему Международную премию мира, а в ноябре избрал турецкого поэта членом президиума.

Хикмет хотел работать, писать стихи, воспитать Мемеда, единственного своего сына. Однако власти не оставляли его в покое. Слежка и давление на него продолжались. В 1951 году (Хикмету пятьдесят один) его призывают в армию, чтобы там расправиться с ним. Выбор был невелик: или смерть (понятно, что тяжело больной солдат не выдержал бы «службу» в армии), или бегство за рубеж.

В июне 1951 года Назым Хикмет решил покинуть страну. О его побеге из Турции написано много. Однако долгое время не были известны детали этого побега. Благодаря азербайджанскому ученому Джамилю Гасанлы были опубликованы архивные материалы, в том числе закрытые документы ЦК ВКП(б), проливающие свет и на побег Назыма из Турции, и на его жизнь в Советском Союзе.

В «Объяснительной записке», написанной в 1951 году после приезда в Москву, Хикмет подробно рассказывает о мотивах побега и о том, как он был осуществлен: *«Вскоре после моего выхода из тюрьмы я получил телеграмму от Всемирного Совета Мира. Телеграмма была подписана его председателем Ф.Жолио-Кюри, который приглашал меня на заседание Совета Мира в Англию... Спустя некоторое время я получил вторую телеграмму, в которой сообщалось, что Совет Мира состоится в Варшаве. Я знал, что не смогу поехать, так как турецкие власти не дадут мне паспорт... В турецких реакционных газетах началась кампания против меня. Газеты писали, что в Варшаве я был избран вторым вице-председателем Международного Совета Мира, что я платный агент русских, что русские опубликовали все мои произведения... Я, с согласия товарищей (по партии. – Т.М.), решил обратиться с просьбой о выдаче паспорта. Были выполнены все формальности. Прошло несколько дней, и меня вызвали в военкомат, где заявили, что я должен служить в армии. Я объяснил, что по состоянию здоровья освобожден от военной службы, что документы (о состоянии здоровья. – Т.М.) находятся в больнице. Я был подвергнут домашнему аресту. Из военкомата сообщили, что, если найдут документы, то мне выдадут паспорт... Учи-*

тывая, что я нахожусь под домашним арестом, партия решила, что мне необходимо нелегально выехать из Турции. Для того чтобы организовать мой побег, нужны были деньги. При посредничестве Сабихи Сертель я попросил Всемирный Совет Мира выдать ей половину денег, причитающихся мне как лауреату Международной премии мира, а вторую половину денег перевести в Швейцарский банк. Была возможность выйти через Босфор в Черное море и добраться до одной из стран народной демократии... Мы купили очень дорогую спортивную моторную лодку. 17 июня 1951 года я решил бежать. Часто меняя такси, я добрался до Босфора. Мой шурин (Рефик Эрдуран. – **Т.М.**) прибыл на моторной лодке в безлюдное место. Море было спокойным. Выйдя из Босфора (в Черное море – **Т.М.**) мы встретили пароход «Плеханов», и тогда я решил вместо того, чтобы плыть в Болгарию, остановить пароход в море, назвать свое имя и, если меня согласятся взять на пароход, попасть в Румынию. Я громко называл свое имя морякам, которые были на борту. Некоторые из моряков, зная мое имя, сказали капитану, кто я. Он телеграфировал в Констанцу, откуда в Бухарест, спустя приблизительно полтора часа меня взяли на пароход, а мой шурин вернулся. На пароходе не было пассажиров, так как он был товарный. 18 июня я прибыл в Констанцу. Пришли работники госбезопасности, которые повели меня в одно из зданий в порту, где меня допросили. Через некоторое время пришел товарищ из партии и повел меня в обком. 19 июня я приехал в Бухарест. Для того чтобы решить свои вопросы, я хотел поехать в Москву».

Председатель Союза писателей СССР Александр Фадеев обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой разрешить Союзу писателей пригласить Назыма Хикмета в СССР. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло положительное решение по письму Фадеева. Все вопросы по приему Хикмета были возложены на Союз писателей, Моссовету было поручено в течение 15 дней обеспечить его трех-четырёхкомнатной квартирой, а лечебным учреждениям Кремля – заняться его медицинским обслуживанием.

29 июня 1951 года Назым Хикмет прибыл в Москву. Как окажется – чтобы провести в этом городе остаток своей жизни. В аэропорту его очень тепло встретили Николай Тихонов, Константин Симонов и другие писатели. Примечательная деталь: в тот же день заместитель председателя внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) Борис Пономарев во всех подробностях информировал Сталина о церемонии встречи турецкого поэта.

На следующий день был организован банкет в честь Назыма Хикмета.

Как отмечает Дж.Гасанлы, «советское руководство очень хотело использовать Н.Хикмета против Турции, особенно же против ближневосточной политики США, но в то же время опасалось его». На то были свои причины. Хикмет был человеком с убеждениями, искренне верил в социалистические идеалы и всегда ставил их выше политических игр, резко реагировал, когда политические и партийные лидеры отходили от этих идеалов и принципов. По этой причине его исключали из Коммунистической партии Турции и вновь восстанавливали – партия нуждалась в такой фигуре.

В Москве Хикмет почувствовал и радость, и разочарование. Ему было приятно вернуться в город своей молодости, где происходило его становление как художника и гражданина, где остались много друзей и товарищей, с которыми он создавал «новое искусство». И, наконец, он приехал в страну, где, как ему казалось, «социалистические идеалы становятся реальностью». Живя в Москве, он никогда не считал себя иностранцем. Высказывался по всем важным социально-политическим вопросам, защищал молодых талантливых поэтов и художников, боролся с партийно-бюрократической системой. Евгений Евтушенко прекрасно охарактеризовал Хикмета: «Такие люди, как Назым, не бывают иностранцами ни в какой стране. Их сердце становится всемирным паспортом». И, конечно, такой человек не мог остаться безучастным к тому, что происходило в Советском Союзе. За 12 лет жизни в Москве Назым Хикмет трижды испытал политический, духовный и нравственный кризис.

Это были годы сталинского культа, всеобщей подозрительности, страха говорить правду, репрессий. Великий режиссер Всеволод Мейерхольд, которого боготворил Назым, многие писатели, художники были уничтожены или репрессированы, Николай Эрк – режиссер известного фильма «Путевка в жизнь», друг Хикмета, лишен возможности работать и, по существу, бомжует. Все это не могло не вызвать чувства глубокого разочарования.

Вскоре после приезда в Москву состоялась встреча Назыма Хикмета с театральными деятелями Москвы. В своем выступлении Хикмет сказал буквально следующее: *«Братья! Когда я сидел в одиночке, я выжил, может быть, только потому, что мне снились московские театры. Мне снились Мейерхольд, Маяковский... Это была сама революция улиц, перешедшая в революцию сцены. И что же я увидел теперь в московских театрах? Я увидел мелкобуржуазное, безвкусное искусство, почему-то именуемое себя реализмом, да еще и социалистическим. А кроме того, я увидел столько подхалимства и на сцене, и вокруг нее... Разве подхалимство может быть революционным? На днях я должен встретиться с товарищем Сталиным, которого глубоко уважаю. Но я, как коммунист коммунисту, скажу ему прямо, что он должен распорядиться, чтобы убрали его бесчисленные портреты и статуи – это так вульгарно...»* Конечно, после подобных высказываний состояться встреча со Сталиным не могла.

В беседах с коллегами Назым называл Мейерхольда самым крупным режиссером XX века. Известный советский артист Аркадий Райкин отмечал: *«Через всю жизнь он пронес любовь к Мейерхольду. И выступая на наших худсоветах, не раз вспоминал сатирические спектакли Всеволода Эмильевича. В то время мало кто позволял себе говорить о Мейерхольде так открыто и свободно, как Хикмет».*

В 1955 году Генеральная прокуратура СССР приступила к рассмотрению вопроса о реабилитации Мейерхольда. Родственники и близкие великого режиссера обратились к деятелям культуры с просьбой написать свое мнение о нем. Назым Хикмет тут же откликнулся на эту просьбу. *«Не только история русского театра XX века, не только история советского театра, но и история мирового театра немыслима без Мейерхольда, – писал он. – То новое, что этот великий мастер внес в театральное искусство..., несмотря на невероятные преграды, живет и теперь в советском театре, в прогрессивном театре мира и будет жить».*

Вскоре В.Э.Мейерхольд был реабилитирован. Однако большинство режиссеров и критиков России продолжали игнорировать его заслуги, не желая замечать роль, которую сыграл великий художник-реформатор в истории современного театра. В своих выступлениях и статьях Назым Хикмет неоднократно призывал театральную общественность *«бороться за настоящую реабилитацию Мейерхольда».*

В своей книге «Записки ровесника века» Александр Вильямович Февральский (1901-1984), российский театровед, искусствовед, критик приводит следующие слова Назыма Хикмета: *«Хочу немного полемизировать с большим режиссером Охлопковым. Я его очень люблю как человека и как художника. Он один из больших режиссеров всего мира. Моя полемика вот о чем. Он один из больших режиссеров всего мира. Моя полемика вот о чем. Он почему-то три-четыре раза говорил об ошибках Мейерхольда. Чтобы говорить о великом, не стоит говорить об ошибках. Кто не ошибался? Все большие люди ошибались, иначе не могли бы создать ни черта. Я лично если что-нибудь могу писать, прежде всего я обязан Мейерхольду. Для меня театр – это его понимание театра. Я не сектант, не ревизионист, не догматик, я не отрицаю других эстетик театра. Я люблю и Станиславского, Таирова, Вахтангова, Брехта, Антуана. Человек может любить 15 жен (по-нашему), но 16-я в гареме главная. Для меня Мейерхольд – главное...Я хочу, чтобы вышли хорошие книги о методе Мейерхольда. Пора говорить об этом. Из газеты «Известия» меня просили написать о «Ревизоре» Акимова. Я «Ревизора» понимаю иначе – не как водевиль. Об этом я написал,*

и написал фразу, что для меня – лучше трактовка Малого театра и Мейерхольда. Есть замечательная традиция советской прессы – показывать авторам гранки. Но мне гранки не прислали и выкинули эту фразу. (Назым имел виду свою статью «Спектакли ленинградцев в Москве», опубликованную в «Известиях» 9 апреля 1959 года – Т.М.). Значит, люди, которым очень дорог Мейерхольд, должны много бороться за настоящую реабилитацию Мейерхольда».

В советское время автора подобной статьи в одной из главных газет страны не ожидало ничего хорошего.

Н.Хикмет неоднократно просит организовать встречу с Николаем Экком, высказывается о современных литературных и художественных течениях, которые были отвергнуты и заклеены советской критикой, так что неудивительно, что с первых же дней приезда в Москву он оказывается в поле пристального внимания сотрудников госбезопасности. Обо всем, конечно, тут же доносили в ЦК. Каждый его шаг, каждое его слово фиксировались и докладывались высшему руководству страны.

Буквально две недели спустя после приезда Хикмета в Москву, заведующий первой (секретной) частью Особого отдела ЦК ВКП(б) А.Стручков направляет А.Н.Поскребышеву секретную записку, «разоблачающую» турецкого поэта. В ней отмечалось, что Назым Хикмет «принадлежит к самой высшей аристократии Турции и там воспитывался», что его дед Ферид Энвер-паша – генерал, его дядя Али Фуад-паша был послом Турции в Москве, его отец Хикмет-бей был редактором американофильской газеты «Новый Восток», что турецкая делегация на IV Конгрессе Коминтерна официально требовала исключить его из Университета трудящихся Востока, что еще в 1935 году его обвиняли в ренегатстве и т.д и т.п.

В 1951 году, сразу после приезда в СССР, Назым Хикмет участвовал в фестивале молодежи в Берлине. Во время этой поездки его всюду сопровождал секретный агент Ф.Адилов, который 27 августа представил председателю внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) В.Г.Григорьяну подробный отчет о деятельности Хикмета в Берлине. Ф.Адилов писал, что на фестиваль приехали девять турок, с которыми Хикмет часто встречался и беседовал («если я подходил во время его беседы с Хромым или девушкой Севим, он сразу же менял тему своего разговора, и чувствовалось, что речь его не вяжется и они ожидают моего ухода»), что он встречался с руководителями сирийской, израильской и французской делегаций, говорил с участниками фестиваля только по-французски... В сентябре-октябре Хикмет посетил Болгарию, он встречался с турецким населением страны, местной интеллигенцией и руководителями страны. Ф.Адилов сопровождал Назыма и в этой поездке.

В августе 1951 года по указанию советского руководства были подняты архивы Коминтерна, Министерства госбезопасности и собраны материалы, на основании которых В.Григорьян составил обширную «Информационную записку о Н.Хикмете в 1925-1939 годах». Она была направлена Сталину. В справке отмечалось, что Хикмет был враждебно настроен против Ферди – генерального секретаря компартии Турции, в 1926 году на партконференции в Вене он был избран в ЦК, но никогда не находился на оргработе в партии, в 1933 году вместе с единомышленниками он хотел организовать новую компартию, защищал кемалистов, и «в 30-е годы он, Ведат Недим, Ахмед Джавад, Вала Нуреддин, Шевкет открыто перешли на их сторону». На основании донесений Ф.Адилова, составленной МГБ справки на Назыма Хикмета и других материалов, В.Григорьян 15 января 1952 года «информировал» Сталина о «неправильном» поведении турецкого поэта в Советском Союзе, Берлине и Болгарии.

В своей книге «Волчий паспорт» известный поэт Евгений Евтушенко рассказал об одном случае, свидетелем которого он был: «В пятьдесят шестом году Назым пригласил художника Юрия Васильева и меня на пару дней в Переделкино. Это была его манера гостеприимства – отключить все телефоны и посвятить все время только одному или двум гостям. Целый день мы сидели на турецких подушечках и наша беседа

неспешно вилась, как дымок над турецким чайком в гнутых прозрачных стаканчиках, вставленных в серебряные подстаканники, и Юра Васильев так же неспешно расписывал с внутренней стороны дверь, а с ее другой стороны оставалась стремительно движущаяся история, непредсказуемая в своей жестокой поспешности.

Но история сама открыла снаружи эту дверь, слишком слабую для того, чтобы ею отгородиться от нее, истории. История ввалилась к нам в облике пожилого пьяного человека с блуждающими, такими же голубыми, как у Хикмета, глазами. Этот человек, не обращая никакого внимания на нас, смотрел только на Назыма, потом не выдержал, опустил взгляд, содрал с головы черную мокрую ушанку под котик с выходящими ее фальшивостью фиолетовыми закраинами и вдруг бухнулся на колени:

– Прости меня Христа ради, Назым... Сними грех с души... Я тебе должен все рассказать...

Ушанка его плакала на пол фиолетовыми слезами.

Назым поднял его:

– Встань, брат... Не надо ничего говорить...

– Нет, я расскажу... расскажу... Сколько лет я в себе это таскаю – уже мочи нет...

Вошедший, захлебываясь собственными словами, рассказал мучившую его историю.

В 1951 году Назыму предоставили в полное распоряжение государственную машину с шофером. Вошедший человек и был тем самым шофером. Они подружились, и Назым однажды даже побывал у него в гостях.

В 1952 году шофера пригласили на Лубянку. Каково же было его потрясение, когда перед ним оказался сам Берия.

– Знаешь, кого ты возишь? – спросил Берия.

– Лауреата Премии Мира... великого поэта... турецкого коммуниста... друга Советского Союза... – недоуменно ответил шофер.

– Ты возишь не друга Советского Союза, а врага... – процедил Берия. – Опытного, хитро замаскированного под революционера. Он хочет убить товарища Сталина. Но мы не можем арестовать его: он слишком знаменит, да к тому же турок... Ты должен помочь нам убрать его... Что стоит для хорошего профессионала-шофера сделать правдоподобную аварию! Одним шпионом будет меньше.

– Не верю... – сказал шофер. – Он мне как отец родной...

– У нас у всех только один отец, – мрачно сказал Берия.

На следующий день шофера вызвали опять на Лубянку, требовали согласия.

Шофера избивали, но он не соглашался. Тогда в кабинет ввели его жену, а затем несколько отпетых уголовников.

– Эти милые мальчики несколько лет не пробовали женского тела, – сказал следователь, красноречиво показывая глазами на них, а потом на жену шофера. Шофер все понял и согласился.

Несколько раз его предупреждали, что это должно произойти завтра, но в последний момент все почему-то отменялось. Затем умер Сталин, расстреляли Берия... У Назыма появилась своя личная машина – государственная стала не нужна. Шофер ушел работать в такси – лишь бы оказаться подальше от государства, чуть не сделавшего из него убийцу. Но вина перед Назымом мучила его, жгла, не давала покоя. Вот он и пришел покаяться.

Во время этого рассказа, от которого у меня шел мороз по коже, я смотрел не на шофера, а на Назыма. У него была выдержка настоящего подпольщика. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Или он, быть может, догадывался об этом и раньше?

– Сними грех с души, Назым... – еще раз взмолился шофер.

– Нет на тебе греха, брат, – ответил Назым. – Давай лучше выпьем водки. Мне, правда, врачи запретили, но с хорошим человеком немножко можно... А ты честный человек, брат. Как твои дети, жена? Я ее хорошо помню. Она сделала такие вкусные

вареники с вишней, когда я был у вас дома... Кстати, ты знаешь, что «вишня» – это турецкое слово?

Никто из нас этого не знал».

Евгений Евтушенко ввел Васин рассказ в свой фильм «Похороны Сталина», в сцену ареста своего отца

Советская творческая интеллигенция и читатели с уважением и любовью относились к Назыму Хикмету. Его книги разошлись большими тиражами, он стал заметной фигурой в культурной жизни страны. Одновременно он сталкивался с доведенным до абсурда культом Сталина и всеобщим страхом в обществе. И никак не мог понять, почему в стране, провозгласившей высокие идеалы, отсутствует свобода мысли и слова, стали нормой преследование и доноительство? Почему все проблемы общества решает всемогущий административный аппарат? Почему полностью исчезли удивительная творческая атмосфера и многоголосие, свойственные культурной жизни начала 20-х годов? Все это приводило его в отчаяние. Ведь не за это же он боролся всю свою сознательную жизнь и не за это 15 лет сидел в тюрьмах...

А тут еще тоска по родине, Стамбулу, по сыну Мемеду, который «взрослеет на фотографиях».

*В груди – словно горечь ветки, с которой
сорвали плод,
в глазах – дорога, ведущая вниз, к Золотому Рогу.
Два клинка прямо в сердце мое вонзены –
тоска по дому и по Стамбулу родному.
Где силы найти – вытерпеть эту разлуку?*

Перевод С.Северцева

В 1953 году у Хикмета случился инфаркт миокарда. Врачи долго и упорно боролись за его жизнь. По словам одного из его лечащих врачей – Галины Григорьевны Колесниковой, «учитывая тогдашний уровень медицины, выздоровление Назыма было чудом». Он долгое время находился в реабилитационном центре в Барвихе. Врачи наотрогу запретили ему курить, пить спиртное, волноваться, рекомендовали вести спокойный образ жизни. В ответ на это Назым 21 апреля 1953 года в Барвихе пишет стихотворение, адресованное одному из врачей, лечивших его, – «Разговор с Лидией Ивановной»:

*Лидия Ивановна, мой умный друг,
надо выполнять ваши приказы, знаю,
иначе, как сказали вы,
если я отобьюсь от рук,
сердце лопнет, как граната ручная.
Понимаю. Все это так.
Но вы говорили, помнится,
что радость и гнев
вредней для меня, чем табак,
вредней, чем бессонница...
Но как не гневаться, когда вспоминаю,
как бьется моя родная земля,
от жажды и голода изнывая?
Могу ли, мой кареглазый доктор,
могу ли не тосковать,
как подумаю, что, может быть, не увижу Мемеда,
не увижу его терпеливую мать?*

*Короче говоря, не сердитесь, мой друг.
если сведу на нет
ваш милосердный труд.
Лидия Ивановна! Не надо угроз,
все равно обещать я вам не могу,
что буду жить,
как важный, равнодушный утес
на морском берегу.
Оставьте, доктор.
Ведь это – сердце.
Слышите, как оно бьется?
И если от гнева или от радости
разорвется – пусть разорвется.*

(Перевод М.Павловой)

После смерти Сталина у Назыма Хикмета появилась надежда, что страна освободится от наследия тоталитарного режима и демократические принципы вновь торжествуют. Он решает своим писательским трудом ускорить этот процесс и пишет пьесу «А был ли Иван Иванович?». Ее герой – Петров, хороший рабочий парень, слесарь на заводе, в один прекрасный день становится начальником. Вначале ведет себя очень скромно, со всеми поддерживает хорошие отношения. Но со временем в нем просыпается второе «я», запрятанное глубоко в его сознании. Это второе «я» и есть тот самый Иван Иванович, который пробудил в нем тщеславие, любовь к лести, пренебрежительное отношение к окружающим. В учреждении «по требованию народа» появляются его огромные портреты, двойная дверь, обитая кожей и войлоком, чтобы «ни один звук не проникал из приемной в кабинет». Отныне Петров обедает в специально отведенном месте, плавает в «персональном бассейне», делает странные заявления, вроде «нельзя допускать в балете субъективизма и индивидуализма», и все эти его высказывания записываются и пропагандируются. Иван Ивановичу удается убедить Петрова в том, что его горячо любит весь город, что благодаря его «мудрой политике развивается, процветает и благоденствует область». Однажды его вызывает к себе вышестоящий руководитель, и Петров узнает в нем самого себя.

Завершив работу, Хикмет отдает один экземпляр рукописи Константину Симонову, тогдашнему главному редактору журнала «Новый мир», а другой – Валентину Плучеку, главному режиссеру московского Театра сатиры.

Константин Симонов, будучи хорошо знаком с нравами советской номенклатуры, предостерегал Назыма: «Мне кажется, что было бы очень хорошо сказать здесь в какой-то форме о том другом мире, мире капитализма, где язва этого второго «я» такого «Иван Ивановича» – язва закономерная, даже подразумеваемая. Хорошо бы найти форму для того, чтобы сказать об особенной обидности и появления, и разрастания этих душевных лишайев в условиях социалистического общества, причем мне бы лично казалось очень важным сказать, что эти пережитки старого общества – а в своем корне, в своей основе это все-таки пережитки старого общества – подобно любым, самым вредоносным микробам стремятся приспособиться к новой, неизвестной для них окружающей среде, при этом деформируясь, изменяясь, обрастая новой мимикрией, выступая в новом обличье, но, в сущности, в корне своем, оставаясь все же микробами старого мира. Может быть, я выражаюсь дубово и упрощенно, но сущность этого вопроса мне кажется принципиально важной. Если у тебя ляжет к этому душа, я бы просил тебя над этим подумать».

Симонов просил подумать и над тем местом, где в пьесе вступает голос автора: «То, о чем ты говоришь там, страшно важно, но об этом, по-моему, либо не говорить, либо если говорить, то как-то веселее, сильнее. У тебя есть внутреннее право ска-

зять об этом сильнее, глубже – и о мотивах пьесы, и о своей любви к Петрову, и о своей ненависти Ивану Ивановичу».

Хикмет внес в пьесу незначительные изменения, и она была опубликована в 1956 году в 4-м номере журнала «Новый мир».

Пьеса вызвала эффект разорвавшейся бомбы. Уже через месяц, 11 июня 1956 года, состоялось ее обсуждение в Институте философии АН СССР. По словам секретаря партбюро института Н.П.Васильева, написавшего после обсуждения рапорт в ЦК КПСС, Назым Хикмет высказал критические замечания о некоторых явлениях в общественной жизни страны, например, о разгуле партийно-бюрократической системы, о фактах чрезмерного неравенства. «Он говорил о том, как в Сочи видел санаторий, поделенный забором – по одну сторону в лучших условиях отдыхают «хозяева» – партийная бюрократия, чиновники, по другой – «простой народ»... Н.Хикмет говорил об употреблении слов «хозяин» в отношении руководящих товарищей и «простой народ» в отношении массы трудящихся, как о последствии культа личности. Он говорил также о том, что у некоторых высокооплачиваемых советских работников появились дурные нравы и вкусы».

В июле 1956 года сотрудники отдела культуры ЦК КПСС Б.Рюриков и В.Иванов подготовили справку о деятельности Хикмета, в которой отмечалось, что самой большой ошибкой пьесы «А был ли Иван Иванович?» является то, что «культ личности изображался здесь в известной степени как порождение общественного строя стран социалистического лагеря». «Хрущевская оттепель» уберегла Хикмета от репрессивных мер, но отношение властей к нему резко изменилось к худшему.

Предвидя возможные претензии со стороны критики, прессы и «общественности», Назым устами Иван Ивановича озвучил их в пьесе. И ввел «голос автора», отвечающий оппонентам, которым и предстоит решать судьбу пьесы и спектакля.

«Иван Иванович. Эй, Назым Хикмет! Где вы там? Я знаю, Советский Союз – ваша вторая родина, вы любите советских людей, уважаете их, вы старый партиец – все это мы знаем. Но неужели ваша первая пьеса на советскую тему непременно должна быть сатирой? Титанический советский человек – это разве Петров или я? Зачем вы подрываете авторитет Петрова? И чего вы именно за нас взялись? Нам и так забот хватает. Оставьте нас в покое. Да, кроме того, неудобно как-то получается – как бы то ни было, вы здесь почти гость. Нехорошо злоупотреблять гостеприимством советских людей. Конечно, не принято гостей одергивать, но все это до поры до времени. Я хочу сказать: оставьте-ка эту пьесу, так будет лучше и для вас, и для нас, и для театра, где ее будут играть, если, конечно, такой найдется! Ну, а если уж обязательно хотите писать об этом, сделайте хоть хороший конец».

И Назым делает «хороший конец», добавляет в пьесу «голос автора»:

«Голос автора. Зря стараетесь, Иван Иванович. Советский Союз действительно моя вторая родина, и я очень люблю советских людей. Поэтому-то я должен поступать, как поступает здесь каждый честный человек. Но, если я даже только гость в Советском Союзе, в этом самом прекрасном доме на земле, – все равно: раз я вижу, что *в этом доме ползет змея, мой долг – раздавить ее* (курсив наш. – Т.М.). Именно потому, что я ненавижу вас, Иван Иванович, и верю, что Петров найдет в себе силы избавиться от вас, я допишу эту пьесу. А конец будет не такой, как вам хочется...»

Хикмет прекрасно понимал, что, если пьесу поставят, неприятностей не избежать. Но Валентин Николаевич Плучек и актеры Театра сатиры, получив пьесу, начали увлеченно работать над спектаклем.

11 мая 1957 года в Театре сатиры состоялась премьера спектакля «А был ли Иван Иванович?». Успех был ошеломляющим. Вспоминая об этом, Валентин Плучек писал: *«На Бронной стоит кордон конной милиции. Обычно мы говорим о ней в переносном смысле, а тут действительно был единственно возможный способ поддержки порядка «на подступах» к театру. Был успех. Как говорят в таких случаях,*

зрители на люстрах висели. Во время спектакля случалось, что зал аплодировал по пять минут подряд и действие прерывалось...»

Несмотря на успех, после пяти премьерных показов спектакль был по указанию министра культуры СССР Екатерины Фурцевой запрещен. Плучека вызвали «на ковер» к министру культуры, а директора театра А.Глекова – в ЦК партии. После визита в ЦК А.Глеков уволился из театра.

Вся история с запретом спектакля стала достоянием общественности только в 1994 году, когда «Литературная газета» опубликовала закрытые материалы из архива ЦК КПСС.

Во время премьеры пьесы Назым Хикмет находился в Варшаве. Узнав, что спектакль запрещен, по словам Галины Колесниковой, он пытался покончить жизнь самоубийством, приняв снотворное.

«Хрущевскую оттепель» Назым Хикмет встретил с энтузиазмом. Большие надежды возлагал на XX съезд партии. В архиве Г.Колесниковой мы обнаружили его письмо, адресованное Н.С.Хрущеву с просьбой дать ему приглашение на съезд. Приводим его, сохранив его стилистику и орфографию:

«Уважаемый товарищ Хрущев! Я вступил в Коммунистическую партию Турции в 1924 году.

В Турции – моей Родине я был приговорен к 56 годам тюремного заключения, из них 17 лет сидел.

Я писатель. На Родине напечатано 15 моих книг. Мои произведения переведены на разные языки. В Советском Союзе и разных странах играют мои пьесы.

В настоящем я являюсь членом Бюро Всемирного Совета Мира. Я просил, чтобы мне дали пригласительный билет для присутствия на заседании XX съезда хотя бы на один день.

Как член Всемирного Совета Мира и как турецкий писатель, коммунист, я считаю своим долгом написать впечатления о съезде, но это мне не разрешили.

Я считаю, что товарищи, не дав мне пригласительного билета, хотя бы на один день, поступили неправильно.

Прошу Вас принять во внимание мою просьбу.

С товарищеским приветом,

Назым Хикмет».

Хикмет не был приглашен на XX съезд. Но, несмотря на это, живо откликнулся на разоблачение культа личности Сталина. Обращаясь к коммунистам, он писал: «будь ты секретарь ЦК или рядовой, будь у власти или в тюрьме закован» – ты должен жить по Ленину. В его образе Назым видел честного, принципиального коммуниста, отстаивающего высокие идеалы социализма.

*На XX съезд пришел товарищ Ленин,
улыбнулся, постоял немного у дверей,
до начала в зал вошел, уселся на ступени
у трибуны, положил тетрадку на колени:
даже не заметил статуи своей...
На XX съезд пришел товарищ Ленин.
Над страной в небе предвесеннем
собрались благодатные надежды,
словно белые густые облака.*

(Перевод М.Павловой)

Вскоре «благодатные надежды» рассеялись как облака. Снова была разрушена мечта о справедливом, прекрасном мире, снова разочарование и сомнение мучают поэта, который «увлечься больше не в силах ложью, даже самой красивой».

Эти переживания находят выражение в стихотворении «Полночь. Последний автобус», написанном в 1957 году:

*Полночь. Последний автобус.
Кондуктор выдал билет.
Меня дома не ждет
 ни черная весть, ни званный обед.
Меня ждет разлука.
Я иду разлуке навстречу
 без страха и без печали.
Великая тьма подошла и встала со мной рядом.
Меня теперь не обескуражит
 предательство друга –
нож, который он в спину всадит,
 мне пожимая руку.
И не в силах меня спровоцировать враг.
Я прорубался сквозь заросли идолов.
Как легко они падали наземь!
Все, во что я когда-то верил,
 я снова проверил на зуб...
И теперь – как ни жалко это, –
 я увлечусь больше не в силах
 ложью, даже самой красивой.
И не пьянят меня больше слова,
 ни мои слова, ни чужие.*

(Перевод Р.Фиша)

Прав Евгений Евтушенко, когда пишет, что «трагедия коммунистов-идеалистов состояла в том, что когда их идея материализовалась в сталинском варианте, то она оказалась кровавой карикатурой мечты. Мечта была изнасилована циниками. Коммунизм стал убийцей коммунизма». Свидетельство тому и события, которые произошли с Назымом Хикметом в 1959 году.

8-14 октября 1959 года французская газета «Les lettres francaises» публикует статью Назыма Хикмета «Мейерхольд и современность». Буквально через два дня после публикации в французской прессе в газете «Известия» от 17 октября 1959г. появляется редакционная статья с красноречивым названием:

«ТЕНЬ НА ПЛЕТЕНЬ. Реплика Назыму Хикмету»

В последнем номере парижской газеты «Леттрфрансез» опубликована пространная, занявшая целую газетную страницу статья Назыма Хикмета «Мейерхольд и современность». В ней, в частности, автор описывает историю о том, как редакция «Известий» будто бы расправилась с его рецензией на спектакль «Ревизор». Мы полностью воспроизводим это «обвинение» и выносим его на суд читателей.

«Недавно меня попросили написать отчет о «Ревизоре» Гоголя, которого показывал в Кремлевском театре Ленинградский театр комедии, руководимый Акимовым, человеком большого таланта. Я написал статью, где – у каждого свой вкус – я сказал, что мне очень нравятся обе манеры интерпретировать драму Гоголя, которые, – какое счастье! – я имел возможность видеть в Малом театре и в театре Мейерхольда. Я хотел сказать там с самого начала, что, несмотря на формальное различие, оба театра истолковывали внутреннее действие «Ревизора» как в известной мере статическое, а не как водевильно живое. Затем я хотел бы этим сопоставлением выразить, что для меня театр Мейерхольда был таким же классическим, как и Мальый театр, что русский театр имеет традиционный вкус

(какие бы ни были между ними различия, Мейерхольд не существовал бы без Малого театра), и наконец, что имеется определенная последовательность, главная линия развития. И вовсе не случайно Мейерхольд так часто прибегал к опыту Ленского, талантливого актера и постановщика Малого театра.

К несчастью, вопреки замечательной традиции советской прессы - предоставлять автору право подписывать одобренные страницы - редакционная коллегия «Известий» поступила по-другому.

Была вычеркнута вся вышеупомянутая фраза, и есть все основания думать, что в этом виноват был не Малый театр, а Мейерхольд».

В архиве редакции сохранился оригинал рецензии Н.Хикмета на спектакль «Ревизор», которую он прислал весной этого года. Мы не обнаружили в ней размышлений автора о том, как Малый театр и театр Мейерхольда «истолковывали внутреннее действие «Ревизора». Нет в рецензии и «сопоставлений» двух этих театров, ни слова не сказано о «традиционном вкусе», об «определенной последовательности», о «главной линии развития» русского театра, как вовсе нет упоминаний и о том, что Мейерхольд часто прибегал к опыту Ленского.

В короткой, на сто строк, рецензии Н.Хикмета присланной им в «Известия», содержалось всего-навсего всего две фразы, которые мы ради установления истины полностью воспроизводим здесь:

«Я видел «Ревизора» во многих театрах Советского Союза, на разных языках, в разных трактовках. Конечно, это дело вкуса, но я считаю наиболее удачными из всех виденных мною спектаклей два спектакля «Ревизора» - в Малом театре и в театре Мейерхольда».

Вот и все. Что общего между тем, что написал Н.Хикмет в «Леттрфрансез» и в «Известия»? Любой беспристрастный читатель, сопоставив эти две цитаты, легко обнаружит явные «передержки» автора.

Да, эти строки из рецензии действительно не были «одобрены» редакцией, но лишь потому, что сказанные скороговоркой, невпопад, не развернутые в четкую, ясную мысль, они не наталкивали читателей на какие-либо размышления.

Странно и другое. Назым Хикмет знал, что эти совершенно не определяющие смысл его рецензии строки опущены. После опубликования рецензии в «Известиях» прошло полгода. За это время автор не предъявлял редакции своих претензий. Он не делал никаких попыток, не высказывал ни малейшего желания развить и обосновать на страницах «Известий» мысли, изложенные им теперь в «Леттрфрансез». Чего же после всего этого стоят его необоснованные и весьма запоздалые обиды? Право, не серьезно это!

Может быть, история этого малозначительного происшествия и не заслуживала внимания, если бы в статье «Мейерхольд и современность» не было совершенно неправильных, неестественных обвинений в адрес советской театральной общественности и советской прессы. Назым Хикмет пытается убедить французских читателей в том, что в СССР не только не чтят Мейерхольда, но и что даже само имя этого мастера у нас находится под запретом. Вот ведь даже «Известия» выбрасывают упоминание о нем! Если бы сие утверждал человек, незнакомый с нашей театральной жизнью, с нашей печатью, можно было бы не обращать внимания на подобные выпады. Но писателю, живущему в СССР, пьесы которого ставятся на московских сценах, несомненно, хорошо известно, что наша театральная общественность не раз обсуждала творчество Мейерхольда, а театральная пресса публикует материалы о его наследии. За последнее время, например, в журнале «Театр» были напечатаны интересные записки Игоря Ильинского, в которых он рассказал о совместной работе с Мейерхольдом. В издательстве «Искусство» готовится к выпуску сборник статей Мейерхольда и материалов о нем. В альманахе «Москва театральная» публикуются воспоминания А.Гладкова о Мейерхольде.

Все это хорошо известно Н.Хикмету. Зачем же, спрашивается, наводить тень на плетень?»

17 октября 1959 года становится черным днем в жизни выдающегося человека. Назым пишет в редакцию ответ на реплику «Известий», рассчитывая на его публикацию на страницах газеты:

Уважаемые товарищи!

В вашей газете 17 октября 1959 года напечатана статья «Тень на плетень /Реплика Назыму Хикмету».

Есть в советской печати непреложное правило: если тебя критикует та или иная газета, ты можешь защитить себя на страницах этой же газеты. Поэтому я уверен, что мой ответ на вашу реплику также будет опубликован полностью.

В вашей реплике говорится, что Назым Хикмет в своей статье в парижской газете «Леттрфрансез» якобы допустил «передержки» и «неправильные обвинения» в адрес «Известий» и даже всей советской прессы и советской театральной общест-венности. Так ли это? Давайте разберёмся.

1. «Леттрфрансез», опубликовавшая мою статью, о которой говорится в вашей реплике, является одной из самых передовых газет Франции. Эта газета – безоговорочный друг Советского Союза. Во главе неё стоит выдающийся писатель, член Центрального Комитета Французской Коммунистической партии, Лауреат Международной Ленинской премии Мира Луи Арагон.

2. Ваша газета просила меня написать рецензию о гастрольях в Москве Ленинградского театра комедии. Я смотрел два спектакля этого театра. Один из них был «Ревизор». Исходя из этого, я в своей рецензии в сто строк, говоря о спектакле «Ревизор», между прочим, или, по вашему любезному выражению, «скороговоркой», заметил: «Конечно, это дело вкуса, но я считаю наиболее удачными из всех виденных мною спектаклей два спектакля «Ревизора» – в Малом театре и в театре Мейерхольда». Нет никакой разницы между этой фразой и той, которая передаёт её в газете «ЛеттрФрансез». В газете «ЛеттрФрансез» эта фраза излагается так: «У каждого свой вкус, мне очень нравятся обе манеры интерпретировать драму Гоголя, которые, – какое счастье! – я имел возможность видеть Малом театре и в театре Мейерхольда». Где же разница? Вы же утверждаете, что разница есть.

Очевидно, вы путаете две вещи. Статья в «Леттрфрансез» посвящена специально Мейерхольду и поскольку (опять-таки, по вашему выражению, она – «про-странная» – после повторения этой фразы я разъясняю там, что именно я хотел этой фразой сказать. Вы же представляете дело так, будто бы я сообщил французским читателям, что эти мои разъяснения составляют часть вычеркнутого из моей рецензии в «Известиях» места.

3. Я очень часто выступаю в советской прессе и этим горжусь. И в вашей газете печатались мои статьи и стихотворения. Как и все советские газеты, «Известия» каж-дый раз, – за исключением последнего случая, – предоставляли мне право прочесть статью в гранках. Если же редакция вашей газеты хотела сократить хотя бы одну строку, она согласовывала это со мной. Из рецензии же, о которой идёт речь, редак-ция «Известий» без моего согласия и даже не поставив меня в известность, сняла приведённые выше слова о Мейерхольде и Малом театре.

4. Вы обвиняете меня, говоря, что я допустил «совершенно неправильные, не-естественные обвинения в адрес советской театральной и советской прессы». Но откуда вы взяли, что сказать о какой-то определённой газете и о какой-то определённой редколлегии, что ими в какое-то определённое время, в каком-то опре-делённом случае нарушены традиции советской печати, – означает сделать выпад против всей советской прессы и советской театральной общест-венности? Мне, про-стите, это непонятно.

5. Вы пишете, что Назым Хикмет якобы пытается убедить французских читате-лей в том, что в СССР имя Мейерхольда находится под запретом. Где же в моей статье, опубликованной в «Леттрфрансез», вы нашли что-либо подобное?! Там нет и намёка

на это. Когда я писал, что редакционная коллегия «Известий» нарушила традиции советской прессы и что в этом виноват не Малый театр, а Мейерхольд, – это означало лишь то, что я позволил себе усомниться в симпатиях к Мейерхольду со стороны определённых членов редколлегии «Известий» в определённое время, – но отнюдь не утверждение, что имя Мейерхольда находится в Советской Союзе под запретом.

6. Я знаю: Коммунистическая Партия Советского Союза, Советское Правительство и советский народ чтят память Мейерхольда и по достоинству оценивают его заслуги. Я не знаю, зачем же и с чего бы это, на самом деле, я стал бы «наводить тень на плетень»?

7. Статью, опубликованную в «Леттрфрансез», я написал для сборника воспоминаний о Мейерхольде, который скоро должен выйти в Москве. Во время 3-го Всесоюзного съезда писателей я передал эту статью писателям-коммунистам, членам братских коммунистических партий, которые были гостями съезда, – с тем, чтобы они опубликовали её в своей печати. Некоторые из них напечатали эту статью раньше, другие – позже. В частности, «Леттрфрансез» напечатала статью только 14 октября 1959 года. Потому-то статья и появилась через полгода после рецензии в «Известиях».

8. Я не обратился к вам сразу же после нарушения вами традиций советской печати. Вы не осведомились у меня об истинном положении вещей, прежде, чем печатать свою реплику.

Давайте же, товарищи, самокритиковать себя перед читателями честно и прямо, как подобает коммунистам: я – за то, что сразу не обратился к вам, вы – за то, что пусть в малом, – но всё же нарушили традиции советской печати.

9. Как любая советская газета, и «Известия» являются моей газетой, газетой коммуниста Назыма Хикмета. Нашему классовому врагу не удастся воспользоваться ни вашей репликой, ни моим ответом на неё, ни моим замечанием в адрес «Известий», содержащимся в статье, напечатанной в газете «Леттрфрансез».

/ Назым Хикмет/ 18 октября 1959 года

Ответ Назыма Хикмета не был опубликован.

Начиная с 1957 года меняется характер лирики Назыма Хикмета, она становится более приземленной. Радикально меняются и стилистика, звучание, тональность его произведений.

Усиливаются мотивы разлуки, смерти, одиночества, еще более жгучей становится тоска по Родине, по сыну, по Стамбулу:

*Родина, родина,
не осталось на мне даже шапки работы твоей,
ни ботинок,
носивших дороги твои.
Твой последний пиджак из бурсской материи
износился давно на спине...
Ты теперь у меня
только в этих морщинах на лбу,
в свежем шраме на сердце.
Родина, родина.*

(Перевод М.Павловой)

В эти годы Хикмет «пьет по глотку тоску», размышляет об одиночестве, которое «раньше себя присылает смерть», о «самой трудной работе – привыкании к старости, к стуку в дверь в последний раз, к непрерывному расставанию», о «листопаде своего поколения» и собственных похоронах...

